

А. С. Колантаевская

ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ЖИЗНЕННЫМ ВЫБОРОМ

Обсуждается проблематика идентичности в ее связи с актуальной социальной реальностью. Со смещением акцентов в науке на внутреннюю субъектность человека изменение и развитие идентичности все чаще понимаются не как часть процесса роста или социализации, а как результат субъектной активности личности. Рассматривается понятие «экзистенциальная идентичность», связывающее идентичность с жизненным выбором, совершаемым человеком.

Приводятся результаты исследования идентичности в связи с жизненным выбором. В качестве примера значимого жизненного выбора рассматривается профессиональный выбор (ситуации бакалавров, заканчивающих обучение и предполагающих поступление в магистратуру с возможностью смены специальности). Цель исследования — изучение динамики идентичности в ситуации выбора, а также связи личностной (профессиональной) и экзистенциальной идентичности. Дизайн исследования лонгитюдный: проводилось два замера показателей с годовым интервалом. Было показано, что идентичность респондентов, принимающих решение о смене профессии, сформирована в меньшей степени, чем в группе респондентов, остающихся в своей специальности. Спустя год после смены специальности показатель сформированности идентичности сменивших специальность значимо выше. Выводы: респонденты, планирующие сменить специальность, находятся в состоянии кризиса идентичности, совершение выбора и подтверждение его в дальнейшей деятельности позволяют достроить идентичность в дальнейшем. Также получена корреляция сформированности профессиональной идентичности с параметрами экзистенциальной идентичности (положительная — с чувством экзистенциальной исполненности и отрицательная — с показателем экзистенциальной вины), что свидетельствует о тесной связи личностной и экзистенциальной идентичности. Библиогр. 16 назв. Ил. 4. Табл. 1.

Ключевые слова: идентичность, жизненный выбор, экзистенциальная исполненность, экзистенциальная вина.

A. S. Kolantaevskaya

CHARACTERISTICS OF IDENTITY IN LIFE CHOICE SITUATIONS

The article discusses the problematics of identity in its connection with the social reality. While the scientific approach is directed variously toward internal subjectivity, changes and development of identity are more often being considered as a result of an individual's subjective activity. The conception of "existential identity", connecting identity with the person's life choices is here considered.

The results of researching identity in one's life choice situation are presented. Examples of meaningful life choice is considered as professional choice (the situation of bachelors students completing studying with the possibility of changing their specialty attending a master's program). The research objective is to study the identity dynamics in one's life choice situation, and the connection of personal (professional) and existential identity. The design of the study was longitudinal: two measurements were taken with an annual interval. Results indicated that the identity of the respondents making the decision to change the profession is less formed than that of the group of respondents staying in profession. A year after the change of profession, the identity of those who changed is significantly higher. The author concludes that respondents planning to change their specialty are in a state of identity crisis, making a choice and confirming it in the future will allow them to develop their future identity. The correlation of the formation of professional identity with the parameters of existential

Колантаевская Анна Сергеевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.kolantaevskaya@gmail.com

Kolantaevskaya Anna S. — Postgraduate, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.kolantaevskaya@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

identity was also obtained (a positive correlation with a sense of existential fulfillment and negative correlation with an existential fault characteristics), which indicates a close connection of personal and existential identity. Refs 16. Figs 4. Table 1.

Keywords: identity, life choice, existential fulfillment, existential guilt.

Проблематика идентичности — одна из центральных тем и точек пересечения интересов разных наук о человеке. Как ход развития науки во многом связан с развитием общества и отражает его актуальные проблемы, так и исследования идентичности отражают рефлексию исследователей о современной жизни, более того, через идентичность рассматриваются важные черты современной жизни [1]. Так, если на ранних этапах исследования идентичность рассматривалась как закономерный результат развития личности, как следствие его социальной идентификации, то со смещением акцентов в гуманитарной науке и культуре на человека и его внутреннюю субъектность идентичность начинает пониматься как результат усилий человека по сохранению внутренней самоидентичности [2]. Появляется понятие «экзистенциальная идентичность» [3], связывающее идентичность с жизненным выбором, совершаемым человеком.

С изменением подходов к изучению идентичности меняются представления о развитии и изменении идентичности. Традиционными в рамках рассматриваемой проблематики являются две объяснительные линии — онтогенетическая и адаптационная. Э. Эриксон, заложивший традицию личностного подхода к изучению идентичности, связывает ее развитие с возрастными периодами [4]. Идентичность меняется как в связи с возрастными особенностями, так и в связи с изменениями контекста существования, жизненного мира индивида. Взрослея и попадая в новые социальные ситуации, индивид для сохранения целостности своей идентичности оказывается перед задачей трансформации ее структуры. Эриксон выделяет ряд возрастных стадий развития идентичности, на каждой из которых перед индивидом возникает новая проблема, требующая переструктуризации эго, новые элементы должны быть интегрированы в имеющуюся структуру, а старые и отжившие — реинтегрированы или отброшены.

Ряд исследователей, подчеркивающих социальное происхождение идентичности, рассматривает процесс развития идентичности как процесс социальной адаптации. Так, Г. Брейкуэлл полагает, что во взаимодействии с социальным миром человек усваивает понятия, с помощью которых он познает себя. Тем самым формируются содержательные компоненты идентичности — самоописания, используемые человеком для самого себя, и нормативные — моральные и социальные нормы референтной группы [5]. Дж. Тернер в рамках теории самокатегоризации [6] описывает развитие социальной идентичности через три когнитивных процесса: 1) человек определяет себя как член некоей социальной категории; 2) присваивает общие для группы характеристики и усваивает нормы поведения в группе; 3) приписывает себе эти нормы поведения. Таким образом, становясь частью новой группы, человек адаптируется к ней и принимает ее идентичность.

Более поздние теории чаще акцентируют внимание на роли активности и выбора самого человека при изменении идентичности. Один из наиболее известных последователей Эриксона Дж. Марсия, как и Э. Эриксон, полагавший, что идентичность развивается в течение жизни, предлагает различать два пути становления

идентичности [7]. Первый из них связан с постепенным осознанием своих особенностей на основе имеющегося опыта либо сравнения себя с группой в социальном пространстве. Второй путь связан с самостоятельным принятием человеком решений о том, кем ему быть, каким ему быть. Дж. Марсия предлагает статусную модель идентичности, выделяя четыре ее возможных состояния или статуса: *преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая* [8].

Для человека, не имеющего определенных устоявшихся целей, ценностей и представлений о себе и не пытающегося их сформировать, характерна неформенная, диффузная идентичность. Преждевременной называется идентичность человека, не прошедшего через кризис идентичности, обладающего некоторым набором целей, ценностей и убеждений, не сформированных, однако, в результате личного поиска, а пассивно воспринятых извне вследствие идентификации с родителями и другими значимыми людьми. Такая идентичность неустойчива и зачастую не выдерживает столкновения с вызовами реальности, в таком случае личность переживает кризис идентичности. Период переживания кризиса, в процессе которого человек активно пытается разрешить его, Марсия назвал мораторием. В случае разрешения кризиса в результате самоисследования, определения значимых для себя целей и ценностей, дающих чувство направленности и осмысленности жизни, формируется достигнутая идентичность. Первый путь развития идентичности, о котором говорит Марсия, — путь планомерного понимания себя — ведет к формированию преждевременной, присвоенной идентичности. Стратегия принятия индивидом решения о том, кто он, рассматривается как более зрелая и способствует формированию достигнутой идентичности.

Один из последователей Марсия А. Ватерман отмечает, что формирование идентичности — это, как правило, не просто процесс роста и постепенного развития и не разовый единичный акт. Идентичность формируется через серию связанных друг с другом выборов. Процесс ее освоения не линейен, и чувство решенности, достижения идентичности может быть разрушено, если ценности, цели и убеждения человека перестают отвечать требованиям жизни — это кризис, который может быть преодолен жизненным выбором.

Схожих взглядов придерживаются сторонники экзистенциального направления в психологии: «Человек рождается с определенными “индивидуальными свойствами”: способностями, потребностями, конституцией и так далее. На него оказывается масса влияний, которые давят, впечатывают, формируют что-то. Но все это по большому счету неважно. <...> Человек приобретает опыт в процессе своей жизни. И это тоже не главное. Главное — не то, что человек имеет, а то, что человек с этим делает» [9].

Сегодня, с усилением субъектного подхода к рассмотрению личности и ее бытия, в дополнение к социальной и личностной идентичности появляется понятие *экзистенциальной идентичности*. Если социальная и личностная идентичности связаны с организацией жизненного опыта человека, то экзистенциальная формируется через переживание и осознание экзистенциального опыта, экзистенциальных ситуаций, совершение жизненного выбора. Личностная идентичность в большей степени связана с развитием и адаптацией в обществе, экзистенциальная идентичность не определяется извне, а инициируется «внутренними вызовами» человека. «Человек рождается индивидом, но ему лишь предстоит стать экзистен-

циальной индивидуальностью» [3]. Современный человек сталкивается с неопределенностью мира каждый день, разрешением этой неопределенности могут быть адаптационные стратегии, безопасный выбор, позволяющий выживать в социуме. Но это могут быть и стратегии риска, поиска, выбор нового и неизведанного. Человек стоит перед внутренними вызовами, на которые он вынужден не отвечать, но может ответить, — это прежде всего возможность: «Нет причин, но есть внутренняя необходимость» [10].

Метод

Ключевым положением нашего исследования было понимание идентичности как экзистенциального феномена, связанного с совершаемым человеком жизненным выбором. Идентичность человека меняется в ситуации жизненного выбора: в период выбора человек переживает кризис идентичности, после совершения выбора идентичность меняется и оказывается более сформированной. Личностная и экзистенциальная идентичности представляются взаимосвязанными.

Под жизненным выбором в нашем исследовании мы понимали выбор траектории профессионального пути, в частности возможность смены профессии. Если в ранних исследованиях профессионального пути смена профессии чаще изучалась как ситуация вынужденного выбора в связи с потерей работы или приобретенной профнепригодностью, то сегодня все чаще исследователи рассматривают ее как предмет внутреннего выбора [11]. Так, по данным одного из наших исследований, для большинства респондентов этот выбор важен для профессиональной стороны жизни, рассматривается как элемент саморазвития. Часть опрошенных видит в нем поворотную точку жизни, возможность уйти из «неподошедшей профессии», вызвавшей разочарование, для кого-то это элемент траектории профессионального пути, его уточнение и корректировка, для кого-то — этап поиска себя и расширение жизненных перспектив [12].

В качестве ситуации профессионального выбора мы рассмотрели ситуацию бакалавров, заканчивающих обучение и предполагающих поступление в магистратуру. В настоящий момент в системе высшего образования предусмотрена возможность изменения профиля обучения и соответствующей специальности студентом при поступлении в магистратуру. Таким образом, перед бакалаврами-выпускниками стоит дилемма — продолжить обучение по выбранной ранее специальности или сменить ее, возможно, на кардинально отличную. Таким образом, выборку нашего исследования составили выпускники-бакалавры различных вузов Санкт-Петербурга, поступающие в магистратуру. Общее число респондентов — 70 человек в возрасте от 20 до 25 лет (47 девушек, 23 юноши), 25 из них на момент опроса планировали сменить специальность при поступлении в магистратуру (12 — на смежную, 13 — на кардинально отличную от первоначальной).

Предметом изучения в исследовании были характеристики личностной и, в частности, профессиональной идентичности и их связь с показателями экзистенциальной идентичности. Для исследования идентичности нами использовались модифицированная методика «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т. В. Румянцевой) [13] и шкала сформированной профессиональной идентичности «Методики изучения статусов профессиональной идентичности» (А. А. Азбель) [14].

Оригинальная методика оценки профессиональной идентичности, изначально ориентированная на выпускников школ, была нами модифицирована для адаптации к группе респондентов — выпускников бакалавриата, планирующих поступление в магистратуру.

В качестве параметров, описывающих экзистенциальную идентичность, мы рассматривали понятия экзистенциальной исполненности и экзистенциальной вины. Экзистенциальная исполненность «показывает, много ли осмысленного в моей жизни, как часто я живу с внутренним согласием, соответствуют ли моей сущности мои решения и поступки, могу ли я вносить хорошее, как я его понимаю, в жизнь» [15]. Экзистенциальная или онтологическая вина — это вина перед собой за «проживание не своей жизни», нереализованность своего потенциала, «переживается как недовольство (неудовлетворенность) собой и окружающей действительностью (конфликт “желаемого” и “действительного”), из которого в процессе социализации формируется чувство вины как эмоциональная установка» [16]. Для оценки экзистенциальных параметров использовались шкала общей экзистенции опросника «Шкала экзистенции» как мера экзистенциальной исполненности (А. Лэнгле, К. Орглер) [15], шкала «вина — черта» «Опросника вины» (К. Куглер, У.Х. Джонс, адаптация И. А. Белик) [16] как мера онтологической вины.

Исследование носило лонгитюдный характер: проводилось два замера показателей у респондентов — до момента поступления в магистратуру и через год после. Для обработки данных использовались качественный и количественный контент-анализ, методы статистического сравнения, корреляционный анализ.

Результаты

По данным методики «Кто я?» нами было получено от одного до пяти высказываний от каждого респондента, суммарное количество высказываний — 280 на первом этапе и 219 — на втором, все они рассматривались как отдельные единицы анализа. Для обработки результатов использовался метод контент-анализа, процедура классификации прошла проверку на интерсубъективность двумя психологами.

Для классификации полученных высказываний мы опирались на представления Б.Г. Ананьева, выделяющего в системе человекознания четыре основных понятия: индивид, личность, субъект, индивидуальность, — вокруг которых строятся изучение и понимание человека как целого. Таким образом, мы получили четыре класса (рис. 1): класс *индивидуальных характеристик* («человек», «девушка») — 16,8 % всех высказываний в первом опросе и 14,1 % — во втором; *высказывания, характеризующие человека как личность в мире отношений с другими* («дочь», «друг», «сестра»), — 11,8 и 13,2%; *высказывания о проявлении человека в деятельностной сфере* — профессиональной, учебной, хобби («программист», «историк», «спортсменка») — 31,8 и 30,1%; *индивидуальные характеристики респондентов* (часто метафорические, образные — «движение», «сомневающаяся», «ищущий») — 39,7 и 42,4 %.

На первом этапе исследования при сравнении групп респондентов, остающихся в своей специальности и меняющих специальность, были обнаружены следующие различия (рис. 2–4). Респонденты, планирующие сменить специальность, реже

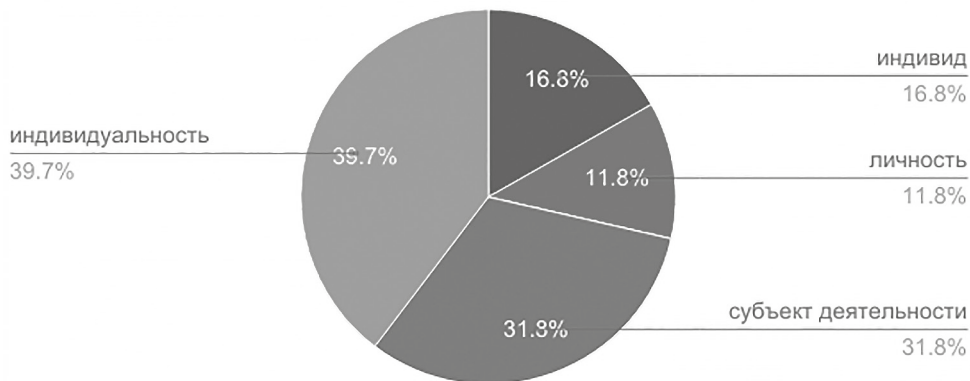

Рис. 1. Распределение высказываний респондентов о себе по классам по результатам их опроса при поступлении в магистратуру

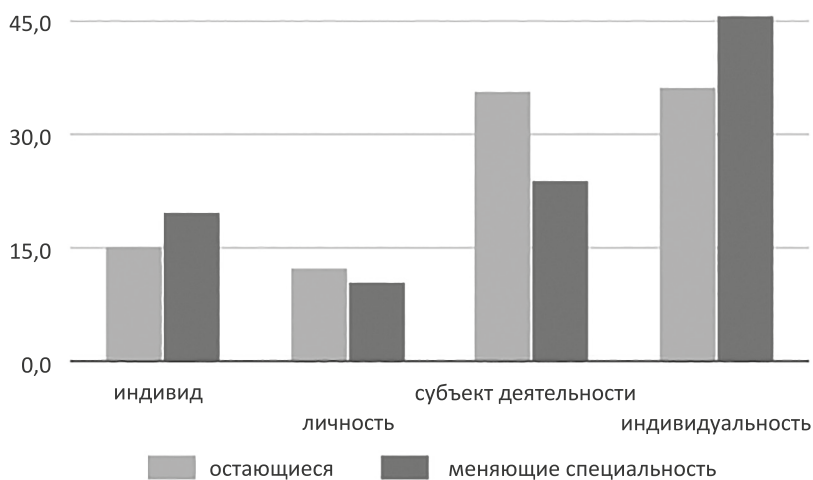

Рис. 2. Распределение высказываний остающихся в специальности и меняющих специальность респондентов по результатам их опроса при поступлении в магистратуру

говорили о себе как о *субъектах деятельности* (23,9% высказываний у меняющих специальность, 35,9% — у остающихся в специальности). Причем бо́льшая часть высказываний о своей деятельности касалась *хобби* («танцор», «рисую») или *текущего статуса* («абитуриент»), таким образом, прямо о своей *профессиональной принадлежности* они говорили только в 8,7% случаях, тогда как не планирующие менять специальность — в 42% случаев.

На втором этапе исследования при сравнении групп различия были не столь заметны: сменившие специальность немного чаще (35,2% у сменивших специальность и 26,6% у оставшихся в своей специальности) говорили о себе как о *субъектах деятельности*, в частности чаще говорили о себе в *профессиональной сфере* (52,9% у сменивших, 66,7% у оставшихся в своей специальности).

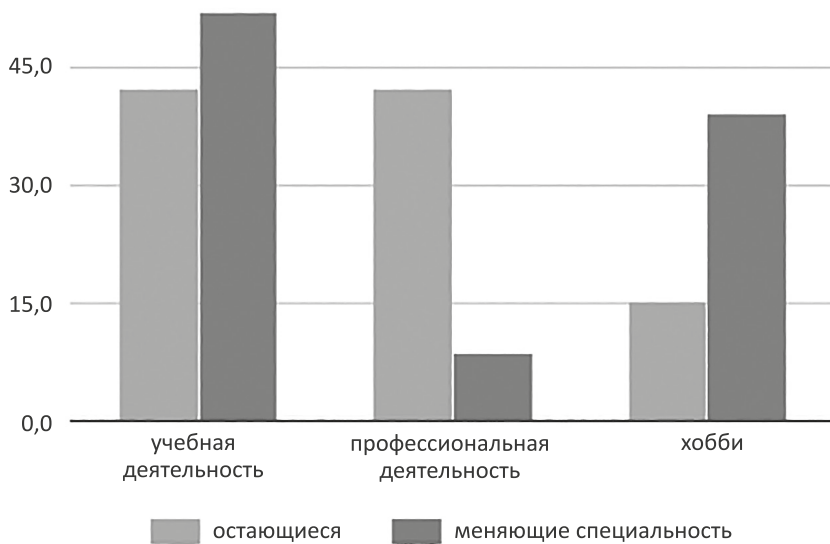

Рис. 3. Распределение высказываний остающихся в специальности и меняющих специальность респондентов внутри класса «субъект деятельности» по подкатегориям по результатам их опроса при поступлении в магистратуру

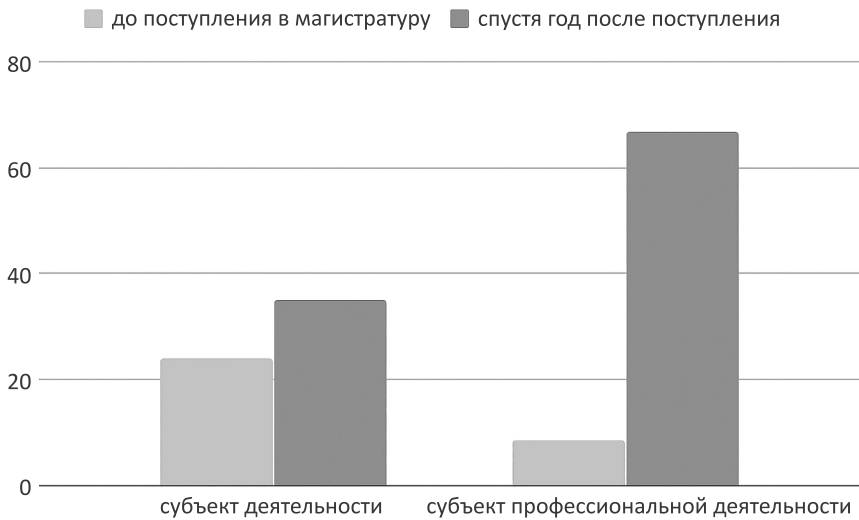

Рис. 4. Соотношение количества высказываний респондентов, меняющих специальность, до поступления в магистратуру и через год после

По данным методики изучения статусов профессиональной идентичности, на первом этапе исследования нами были получены высокие средние баллы шкал сформированной профессиональной идентичности для остающихся в специальности и для меняющих специальность на смежную — средние баллы 11,3 и 11,6 и 6,6 для кардинально меняющих специальность. Отличия групп не меняющих специальность и меняющих на смежную от группы кардинально меняющих специальность значимы (на уровне 0,05).

На втором этапе исследования для обеих групп получены высокие показатели сформированности профессиональной идентичности: 11,5 для оставшихся в специальности и 13 для сменивших специальность. Также показатель сформированности профессиональной идентичности значимо меняется при переходе от первого опроса ко второму в группе меняющих специальность: от 11,6 до 16 среди меняющих специальность на смежную, от 6,6 до 10,5 для сменивших специальность кардинально (различия значимы на уровне 0,05) (табл.).

Таблица. Показатели сформированности профессиональной идентичности респондентов в сырых баллах (баллы 6–8 — считаются выраженностью среднего уровня, 9–11 — выраженностью выше среднего уровня)

	Меняющие специальность		Остающиеся в специальности
	кардинально	на смежную	
До поступления в магистратуру	6,6	11,6	11,3
Спустя год после поступления	10,5	16	11,5

Для анализа связи сформированности профессиональной идентичности с экзистенциальными характеристиками был использован метод *r*-корреляций Пирсона.

Была обнаружена значимая достаточно высокая положительная корреляция сформированности профессиональной идентичности и экзистенциальной исполненности личности: корреляция Пирсона 0,324 на уровне 0,05. Также выявлена значимая отрицательная корреляция сформированности профессиональной идентичности и шкалы «вина — черта», интерпретируемой нами как экзистенциальная вина: корреляция Пирсона — 0,457 на уровне 0,01.

Обсуждение

Статус сформированности профессиональной идентичности респондентов, планирующих оставаться в специальности либо меняющих ее незначительно, на момент выбора в среднем достаточно высок, меняющие же специальность кардинально демонстрируют средний уровень сформированности идентичности, у них в большей степени выражен кризис идентичности. Спустя год после принятия решения различия сформированности идентичности становятся менее значительными, сформированность идентичности возрастала в этот период для групп меняющих специальность и не менялась для остающихся в специальности. Аналогичные

результаты показывают и данные контент-анализа: содержательное наполнение профессиональной идентичности среди респондентов, планирующих смену специальности, невелико — они уже не рассматривают себя как профессионалов в рамках предыдущей профессии, но и новая специальность пока не определяет их представления о себе. После принятия решения смены специальности и начала ее освоения респонденты чаще говорят о себе как о профессионалах в новом профессиональном поле.

Количественный анализ связи показателя идентичности и экзистенциальных показателей подтверждает наши предварительные предположения. Шкала общей экзистенции, которая отражает экзистенциальную исполненность, положительно коррелирует со сформированностью профессиональной идентичности. Значимым для статуса профессиональной идентичности фактором также оказывается чувство вины, которое мы интерпретируем как онтологическую, экзистенциальную вину, ощущение «проживания не своей жизни». Респонденты, переживающие чувство экзистенциальной вины, но продолжающие оставаться в своей профессии, имеют менее сформированную, менее устойчивую структуру профессиональной идентичности.

Выводы

Таким образом, в результате исследования подтверждены наши основные гипотезы. Респонденты, планирующие сменить специальность, находятся в состоянии кризиса идентичности, их идентичность сформирована недостаточно в сравнении с продолжающими оставаться в своем профессиональном поле. Совершение профессионального выбора и подтверждение его в дальнейшей профессиональной деятельности позволяют в последующем «достроить» идентичность.

Не менее важный вывод: степень сформированности профессиональной идентичности как одной из составляющих личностной идентичности связана с экзистенциальными параметрами личности — большая экзистенциальная исполненность соответствует большей сформированности идентичности. В то же время респонденты, переживающие вину, интерпретируемую нами как онтологическая вина за «проживание не своей жизни», имеют менее сформированную, менее устойчивую структуру профессиональной идентичности. Эти данные свидетельствуют о тесной связи личностной идентичности и более высокоуровневой экзистенциальной идентичности. Кроме того, они позволяют сделать вывод о правомерности рассмотрения ситуации профессионального выбора как значимого жизненного выбора, затрагивающего экзистенциальные аспекты жизни человека.

Литература

1. Бауман З. Идеализированное общество / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Зайцева Ю. Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности // Вестник С.-Петербурга. ун-та. Серия 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 6–22.
3. Гришина Н. В. Идентичность как экзистенциальное понятие // Личностная идентичность: вызовы современности: Мат-лы Всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 5–7.
4. Ericson E. H. Identity, youth and crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.

5. Breakwell G. M. *Coping with threatened identities*. London; New York: Mithuen, 1986. 234 p.
6. Turner J. C. A self-categorization theory // *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory*. Oxford: Blackwell Publishers, 1987. P. 42–67.
7. Marsia J. E. Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / ed. J. Adelson. New York: John Wiley, 1980. P. 159–187.
8. Marcia J. E., Friedmann M. L. Ego identity status in college women // *Journal of Personality*. 1970. Vol. 38, N 2. P. 249–263.
9. Watermann A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Developmental Psychology*. 1982. Vol. 18, N 3. P. 341–358.
10. Леонтьев Д. А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция. Выбор личности в непредсказуемом мире // *Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнетворчества* / под ред. Е. И. Яцуты. Кемерово: ИПК «Графика», 2002. С. 3–34.
11. Джанерьян С. Т. Потеря работы: жизненное событие и ситуация // *Психологический вестник*. Вып. 1, ч. 2. Ростов н/Д: РГУ, 1996. С. 272–282.
12. Колантаевская А. С. Представления молодых людей о смене специальности при поступлении в магистратуру // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов — 2017»* / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Адриянов, Е. А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
13. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учеб. пос. СПб.: Речь, 2006. 176 с.
14. Азбель А. А. Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 219 с.
15. Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) // *Экзистенциальный анализ: Бюллетень*. 2009. № 1. С. 141–170.
16. Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 209 с.

Для цитирования: Колантаевская А. С. Динамика идентичности в связи с жизненным выбором // *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. Вып. 3. С. 224–234.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.303>

References

1. Bauman Z. *Idealizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]*. Transl. from Engl. by V. L. Inozemtseva. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p. (In Russian)
2. Zaitseva Yu. E. Model' narrativnogo analiza stilia identichnosti [Model of Narrative Analysis of Personal Identity Style]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 4, pp. 6–22. (In Russian)
3. Grishina N. V. Identichnost' kak ekzistentsial'noe poniatie [Identity as an existential concept]. *Lichnostnaia identichnost': vyzovy sovremennosti: Mat-ly Vseros. psikhol. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem) [Personal identity: challenges of the present: materials Vseros. Psychol. Scientific-practical. Conf. (With foreign participation)]*. Eds Z. I. Ryabikina, V. V. Znakov. Krasnodar, Kubanskii gos. un-t; Maikop: Adygeiskii gos. un-t; Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2014. pp. 5–7. (In Russian)
4. Ericson E. H. *Identity, youth and crisis*. New York, W. W. Norton Company Publ., 1968, 336 p.
5. Breakwell G. M. *Coping with threatened identities*. London, New York, Mithuen Publ., 1986. 234 p.
6. Turner J. C. A self-categorization theory. *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory*. Oxford, Blackwell Publishers, 1987, pp. 42–67.
7. Marsia J. E. Identity in adolescence. *Handbook of adolescent psychology*. Ed. by J. Adelson. New York, John Wiley Publ., 1980, pp. 159–187.
8. Marcia J. E., Friedmann M. L. Ego identity status in college women. *Journal of Personality*, 1970, vol. 38, no. 2, pp. 249–263.
9. Watermann A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review. *Developmental Psychology*, 1982, vol. 18, no. 3, pp. 341–358.
10. Leont'ev D. A. Simbioz i adaptatsiia ili avtonomiia i transtsendentsiia. Vybory lichnosti v nepredskazuemom mire [Symbiosis and adaptation or autonomy and transcendence. Choice of personality in an unpredictable world]. *Lichnost' v sovremennom mire: ot strategii vyzhivaniia k strategii zhiznetvorchestva [Personality in the modern world: from the strategy of survival to the strategy of life creation]*. Ed. by E. I. Yatsuta. Кемерово, ИПК «Графика» Publ., 2002, pp. 3–34. (In Russian)

11. Dzhaner'ian S. T. Poteria raboty: zhiznennoe sobytie i situatsiia [Loss of work: life event and situation]. *Psikhologicheskii vestnik* [Psychological bulletin]. Vol. 1, issue. 2. Rostov-na-Donu, RGU Publ., 1996, pp. 272–282. (In Russian)
12. Kolantaevskaya A. S. Predstavleniia molodykh liudei o smene spetsial'nosti pri postuplenii v magistraturu [Representations of young people about the change of specialty at admission to the magistracy]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov — 2017»* [Proceedings of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov — 2017”]. Eds I. A. Aleshkovskij, A. V. Adriyanov, E. A. Antipov. Moscow, MAKS Press, 2017. 1 electron. opt. disk (DVD-ROM). (In Russian)
13. Rumiantseva T. V. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenii v pare: ucheb. pos.* [Psychological counseling: diagnosis of relationships in pairs]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 176 p. (In Russian)
14. Azbel' A. A. *Osobennosti formirovaniia statusov professional'noi identichnosti starsheklassnikov.* Diss. kand. psikhol. nauk [Peculiarities of forming the status of professional identity of high school students. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2004. 219 p. (In Russian)
15. Lehngle A., Orgler K. Shkala ekzistentsii (Existenzskala) [Scale of Existence (Existenzskala)]. *Ekzistentsial'nyi analiz: Biulleten'* [Existential Analysis. The bulletin], 2009, no. 1, pp. 141–170. (In Russian)
16. Belik I. A. *Chuvstvo viny v sviazi s osobennostiami razvitiia lichnosti.* Diss. kand. psikhol. nauk [Feelings of guilt in connection with the characteristics of personal development. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2006. 209 p. (In Russian)

For citation: Kolantaevskaya A. S. Characteristics of identity in life choice situations. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*, 2017, vol. 7, issue 3, pp. 224–234. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.303>

Статья поступила в редакцию 16 июля 2017 г.
Статья рекомендована в печать 7 сентября 2017 г.